

Райская жизнь Джулианны Мур

Сьюзен ХОУАРД

В текущем сезоне Джулианна Мур снялась в двух фильмах: "Вдали от рая" и "Времена" (Hours). Первый, поставленный Тоддом Хейнсом, препарирует проблемы классической голливудской мелодрамы в современном ракурсе. Второй — экранизация одноименного романа Майкла Канинггема, осуществленная Стивеном Долдри; в фильме рассказывается о Вирджинии Вульф и ее влиянии на судьбы женщин последующих поколений.

— Какова была ваша первая реакция на сценарий "Вдали от рая"?

— Я была очень взволнована. Тодд позвонил мне — мы с Тоддом Хейнсом продолжали общаться после того, как в 1995 году я снялась в его фильме "В безопасности" — и вот однажды он позвонил и сказал: "Привет, я дописал сценарий. Я сочинял его, имея в виду тебя. Присылать?" И я закричала: "Да, присылай поскорее!" Я получила сценарий в субботу утром и прочитала его в метро по дороге в спортзал. Он пробрал меня до костей. Меня невероятно тронула сама идея, что кто-то может написать сценарий, думая обо мне. Пару раз для меня писали отдельные роли, но главную роль в фильме — никогда! Я позвонила Тодду. Он спросил: "Тебе понравилась?" Я ответила: "Я буду играть эту роль!"

— Вы с Тоддом ухитряетесь вызывать друг в друге лучшие художественные качества. Как вам это удается?

— Все меня об этом спрашивают. Я отвечаю, что для меня это честь — быть творческим партнером Тодда, потому что он невероятно талантливый режиссер. Думаю, мы одинаково подходим к работе. Мы оба любим творческие испытания на съемках. Когда вы смотрите на мир глазами Тодда, все воспринимается сугубо эмоционально. В каждом его кадре столько обнаженных чувств, что порой становится страшно. Но работа с режиссером, который так тщательно прорабатывает каждый нюанс, позволяет актерам чувствовать себя совершенно свободными между командами "мотор" и "стоп". На съемочной площадке мы словно встречаемся впервые. Дома он делает свою работу, я делаю свою работу, а потом мы встречаемся, и в результате получается что-то, что не принадлежит ни мне, ни Тодду. Это счастье — озвучивать его идеи, его персонажей.

— Вы с Хейнсом схожи по характерам?

— Мы оба вежливые, незапоминаемые люди. Тодд говорит, что мы оба мазохисты. (Смех). Думаю, мы схожи во многом.

— Он часто дает вам указания на съемочной площадке?

— Я не люблю лишних разговоров, и Тодд это знает. Есть актеры, которые любят говорить о роли, но я не из их числа. Мне всегда интересно, смогу ли я угадать и

материализовать воображение Тодда. Поэтому я и не хочу, чтобы он мне все говорил заранее. Но зато когда съемки закончены, я все время хочу его спросить: "Ну, как? Это то, что тебе нужно?"

— Фильм "Вдали от рая" кажется данью уважения мелодрамам Дугласа Сирка. Вы смотрели его фильмы перед съемками?

— Некоторые — да. Но не так интенсивно, как можно предположить. Тодд прислал мне несколько кассет, и он просил меня их посмотреть, потому что хотел сделать прямые ссылки на эти фильмы.

— Какие, например?

— "Написано на ветре" (Written on the Wind). "Все, что разрешается в раю" (All That Heaven Allows). Фильм Макса Офюльса "Момент беспечности" (The Reckless Moment). "Имитацию жизни" (Imitation of Life) — я и раньше смотрела. Но я хочу подчеркнуть, что не изучала эти фильмы под микроскопом! На всякий случай я держала кассеты в гримерной, думая, что мне придется посмотреть какие-то сцены, чтобы сориентироваться. Но мне это не понадобилось. Оказывается, этот стиль давно уже вьелся в наше подсознание и стал частью нашего эмоционального языка. По телевизору все время показывают подобные фильмы. Мы на них выросли.

— Как бы вы охарактеризовали актерский стиль в этом фильме? Гиперреализм?

— Да, слегка искусственный, слегка приподнятый над реальностью. Это было довольно нетрудно — наверное, потому, что Тодд давал предельно четкие и понятные указания. И конечно, важную роль сыграло то, что все мы знакомы с этим стилем с детства. Сколько себя помню — по субботам всегда показывали фильмы Дугласа Сирка. Особенно ча-

сто крутили по всем телеканалам "Имитацию жизни".

— Остальные актеры нашли этот стиль так же легко, как и вы?

— Да, хотя Тодд вначале об этом беспокоился. Как найти нужный тон, чтобы все актеры оказались в одной киновселенной? Но никаких проблем не возникло. Думаю, Тодд смог стать отличным дирижером нашего актерского оркестра. И ни разу не возникло ощущения, что наш фильм — пародия на традиционную мелодраму. Потому что искусственный стиль сочетается с настоящими, неподдельными чувствами.

— Вначале фильм настолько убаюкивает зрителя визуальным рядом классической мелодрамы 50-х, что момент, когда ваша героиня застает мужа с другим мужчиной, и тот грязно ругается, становится настоящим шоком.

— В старых фильмах Сирка есть почти такие же шоковые моменты. В смысле — для тех времен они были не менее шоковыми. Собственно говоря, Тодд делает следующее: он берет персонажей, которые существовали на периферии кинематографа во времена Сирка — афро-американцев, геев — и делает их полноправными персонажами в сюжете. И поэтому контраст между "тогда" и "сейчас" становится еще более ярким.

— Забавно смотреть, что шокирует нас сегодня, и создавать, что в те годы люди были бы гораздо более шокированы тем, что мы воспринимаем как норму.

— Мы смотрим на "наивные 50-е" с оттенком превосходства. Но проблемы расы и сексуальности, о которых идет речь в фильме, совершенно современны. Фильм не просто навещает мир классической мелодрамы, он переосмысливает жанр, делает его современным. Мне трудно облечь в слова то, что происходит в фильме.

— Критики часто называют "Вдали от рая" деконструкцией Сирка.

— Знаете, что нравится лично мне? Обычно, когда люди говорят о фильмах Тодда, они говорят об интеллекте и иронии. Но не в связи с этим фильмом. Это стопроцентно эмоциональное кино. Оно не интеллектуальное, не трудное для восприятия, не отстраненное от героев. Это кино о людях и о том, как наша личность формируется обществом, в котором мы живем. И о том, что мы — не герои. Мы обычные люди, мы слабы и не всегда поступаем правильно, а жизнь — полный бардак. Забавно, я всегда чувствовала, что таково мироощущение Тодда. Он настоящий гуманист.

— Оба ваших партнера — Деннис Куэйд и Деннис Хейсберт — играют великолепно.

— Да, я называю их "два Денни"! Они гениальны, не правда ли? Им пришлось играть очень трудные сцены, и они блестяще справились.

— Патриция Кларксон в роли вашей подружки тоже хороша.

— Я люблю нашу сцену, когда я рассказываю ей, что мой муж гей, и она меня утешает. А потом я говорю, что подружилась с афро-американцем, и она меня осуждает. Вначале она кажется такой современной, либеральной, но когда доходит до расовых вопросов, ее либеральность мгновенно улетучивается. Патриция отлично сыграла в этой сцене.

— Что, по-вашему, произошло с героиней? Какой вы видите ее через 20 лет после событий, показанных в фильме?

— Все меня об этом спрашивают. Людей интересует, что стало с Кэти, и это прекрасно — значит, они поверили в нее, в ее реальность. Я думаю, что если бы Кэти была не вымышленным персонажем, она нашла бы работу. Она осталась без му-

жа, в пустом доме, у нее нет источника дохода.

— А на носу — 60-е годы.

— Я тоже все время об этом думала, пока снималась. Я говорила себе, что ей нужно только продержаться до начала 60-х, а дальше все будет хорошо. Думаю, она смогла бы найти себе работу.

— Последний музыкальный отрывок из фильма на саундтреке называется "Новое начало".

— Наш композитор Элмер Бернштейн сказал, что будущее Кэти вселяет ему надежду, и поэтому он написал эту композицию. Потому что Кэти долгое время жила иллюзиями, а в конце фильма она становится реалисткой. Она начинает видеть мир таким, какой он есть, а не таким, каким она хочет его видеть.

— Расскажите о втором вашем новом фильме — "Времена".

— Я прочитала книгу Майкла Канинггема пару лет назад. Один из моих друзей дружит с Канинггемом, и он подарил мне его книгу на день рождения. Мне ужасно понравилось, но я не могла и помыслить, что ее экранизируемой — уж больно неэкранизируемой она мне показалась. Потом мне позвонили и предложили сыграть в экранизации любую роль, какая мне по вкусу. Я захотела играть Лору. Это история о выборе в жизни человека, о том, как трудна и щедра жизнь. У нас так мало времени на этой земле. Эти мгновения реальности — все, что выпало на нашу долю.

— Ваши сцены с ребенком невероятно эмоциональны и трогательны.

— Дело в том, что дети понимают вас гораздо лучше взрослых. Эта женщина не хочет жить в мире. Она хочет жить в книге. Никто не понимает этого, кроме ее маленького сына. Он видит ее насквозь, это внушает ей страх. Он единственный, кто понимает, через что ей приходится проходить. Муж рассказывает Лоре, каким он видит их будущее, отводя ей роль пассивной наблюдательницы. Он представляет себе их счастье, как в кино или на глянцевой картинке. И это медленно убивает Лору.

— Каково было работать с режиссером Стивеном Долдри?

— Он очень талантлив. Это его второй фильм после "Билли Эллиотта". Ему пришлось зайти на нехоженую для него территорию: рассказывать три взаимно переплетающиеся истории — не легкая задача. Но он смог вызвать в зрителях именно те эмоции, которые хотел.

— Вы на редкость удачно чередуете студийные и независимые фильмы. Как вам это удается?

— Как правило, мне всегда хочется противоположного тому, что есть. Стоит сняться в студийном фильме — хочется вернуться на площадку независимого кино, к камерным историям. А поработав на артхаусном проекте, я говорю себе: "Я соскучилась по большому гримерному и большому гонорарам!" (Смех). По правде говоря, я думаю, что до сих пор мне просто везло.

Мур Джулианна (193) 07 03

Экран и сцена